

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.033-047

И. А. Кравец*

Стратегический конституционализм и конституционные изменения: государство и граждане в конституционном прогнозировании и в публично-правовой коммуникации

Аннотация. В статье обсуждаются научные основы и развитие доктрины стратегического и диалогического конституционализма в условиях кризиса современного миропорядка и конституционно-правового мышления. Стратегический конституционализм и стратегия конституционных изменений рассматриваются в качестве важнейшей парадигмы развития, обеспечивающей прогресс и диверсификацию моделей современного конституционализма. В статье раскрываются факторы концептуализации конституционных изменений, государство как конституционный стратег и стратегия диверсификации конституционализма в мире, дилеммы юридического конституционализма и прогнозирование конституционных изменений с позиций научного и экспертного мнения, научные дискуссии вокруг предназначения и роли диалогического конституционализма и участия граждан в конституционных изменениях, некоторые стратегии конституционных изменений в России и в Европе, перспективы совершенствования институтов народного участия, института профессионального и экспертного мнения в российской конституционной доктрине и в законодательстве. В статье используются делиберативный и эпистемологический подходы, методы формально-юридического, конкретно-исторического, сравнительного конституционно-правового и комплексного анализа.

Ключевые слова: стратегический конституционализм; диалогический конституционализм; конституционные изменения; конституция; конституционное вовлечение; диверсификация конституционализма; делиберативная демократия; конституирующая власть; народный суверенитет; конституционализация.

Для цитирования: Кравец И. А. Стратегический конституционализм и конституционные изменения: государство и граждане в конституционном прогнозировании и в публично-правовой коммуникации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 1. — С. 33–47. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.033-047.

© Кравец И. А., 2024

* Кравец Игорь Александрович, доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права, главный научный сотрудник Института философии и права Новосибирского государственного университета
ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, Россия, 630090
kravigor@gmail.com

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)»). В основу статьи положен доклад, подготовленный для научно-методического семинара школы российского конституционализма «Теория и философия конституционализма: современные тенденции» (памяти академика О. Е. Кутафина), Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 26 июня 2023 г.

Strategic Constitutionalism and Constitutional Changes: the State and Citizens in Constitutional Forecasting and Public Legal Communication

Igor A. Kravets, Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Constitutional and Municipal Law; Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University
8, Nikolaeva St., Novosibirsk 630090, Russian Federation
kravigor@gmail.com

Abstract. The paper highlights foundations and development of the doctrine of strategic and dialogical constitutionalism in the context of the crisis of the modern world order and constitutional and legal thinking. Strategic constitutionalism and the strategy of constitutional changes are considered as the most important development paradigm that ensures the progress and diversification of models of modern constitutionalism. The paper explains the factors of conceptualization of constitutional changes, dwells on the state as a constitutional strategy and a strategy for diversifying constitutionalism in the world, the dilemmas of legal constitutionalism and forecasting constitutional changes from the standpoint of academic and expert opinion, academic discussions concerning the purpose and role of dialogical constitutionalism and citizens' participation in constitutional changes, some strategies for constitutional changes in Russia and Europe, prospects for improvement of institutions of popular participation, the institute of professional and expert opinion in the Russian constitutional doctrine and legislation. The paper employs deliberative and epistemological approaches, methods of formal-legal, concrete-historical, comparative constitutional-legal and complex analysis.

Keywords: strategic constitutionalism; dialogical constitutionalism; constitutional changes; constitution; constitutional involvement; diversification of constitutionalism; deliberative democracy; constitutive power; popular sovereignty; constitutionalization.

Cite as: Kravets IA. Strategic Constitutionalism and Constitutional Changes: the State and Citizens in Constitutional Forecasting and Public Legal Communication. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19.(1):33-47. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.033-047

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Communicative constitutionalism and constitutional mobilization: the problem of deliberative participation in the public and information space and the transformation of the system of public power (concepts, norms and institutional mechanisms)»). The paper is based on the report prepared for the scientific and methodological seminar of the School of Russian Constitutionalism «Theory and Philosophy of Constitutionalism: Modern Trends» (in memory of Academician Oleg E. Kutafin), Kutafin University (MSAL), June 26, 2023.

Три силы движут и управляют государством:
сила законодательная, исполнительная и судная.

Начало и источник сих сил в народе:
ибо они не что другое суть,
как нравственные и физические силы людей
в отношении их к общежитию.

М. М. Сперанский. План государственного преобразования

Введение. Постановка проблемы

Понимание конституционализма как стратегии развития государства и общества со значительным набором закрепляемых в конституциях целевых норм и норм-принципов, в качестве интеллектуальной и нормативной основы для стратегического планирования становится всё более распространенным подходом независимо от того, в рамках какой парадигмы конституционного развития он рассматривается.

В данной статье руководящие идеи связаны с именами М. М. Сперанского и Ю. Эльстера (представителей различных правовых и политических культур и исторических эпох), которые задумывались о «коренных законах» (в интерпретации М. М. Сперанского), о возможности их преобразования и реформирования в широком не только правовом, но и социальном контексте.

Спустя более 210 лет слова, написанные М. М. Сперанским, о народе как об источнике и начале сил в государстве, которые «движут и управляют» им, остаются актуальными с позиций новых доктрин делиберативного участия и делиберативного конституционализма. М. М. Сперанского беспокоила возможность установления «неограниченной державной власти». В книге «Введение к уложению государственных законов» он писал: «Если бы права державной власти были неограничены, если бы силы государственные соединены были в державной власти в такой степени, что никаких прав не оставляли бы они подданным, тогда государство было бы в рабстве и правление было бы деспотическое». По его мнению, это «раб-

ство... может быть двояко: политическое вместе и гражданское или одно только политическое»¹. Преодоление гражданского и политического рабства (в контексте взглядов М. М. Сперанского) обеспечивается современными формами и институциональными механизмами конституционализма.

Ю. Эльстера заботила идея выбора и ограничений при проведении конституционных реформ и создания конституций и идея коллективной мудрости, связанная в условиях демократического государства с расширением сферы и форм участия граждан в процессах конституционного строительства и конституционных изменений. Так, он писал: «Если есть одна задача, для решения которой “мудрость” кажется весьма желательной, так это написание конституции, рассчитанной на неопределенное будущее»². Коллективная мудрость может быть связана с участием широкого круга граждан и экспертов, во-первых, с применением процедур делиберативной демократии и обсуждением вопросов в гражданских ассамблеях; во-вторых, с использованием инструментов императивной демократии в виде конституционных референдумов по поправкам к конституции; в-третьих, с применением новых технологий (краудсорсинга) в деятельности парламентов (электронное законодательство), создания и обсуждения конституционных поправок или проектов новых конституций.

Конституционализм в своем исконном значении часто связывался с верностью конституции и обеспечением ее верховенства как в отечественных (Н. В. Витрук, В. Б. Евдокимов,

¹ План государственного преобразования графа М. М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). М. : Издание «Русской мысли», 1905. С. 6.

² *Elster J. The Optimal Design of a Constituent Assembly // Collective Wisdom. Principles and Mechanisms / ed. by N. Landemore, J. Elster. New York : Cambridge University Press, 2012. P. 148.*

И. А. Кравец³, так и в зарубежных исследованиях (Ф. Вентер, Ю. Лимбах)⁴. И это юридически и социально оправданно, т.к. конституционная идентичность государства и народа отражается и поддерживается писаной конституцией, когда такая существует. В гораздо меньшей степени развивалось научное крыло конституционализма, которое открывало дорогу изменениям, окрыляло новациями и привлекало для участия народ как коллективное социальное образование и граждан как дееспособных инициаторов и проводников конституционных изменений.

Отечественная наука конституционного права значительное внимание уделяет теоретическим и политико-правовым основам конституционной реформы⁵, сравнительному опыту осуществления конституционных реформ⁶, осмыслению практики конституционной реформы 2020 г. в России⁷, конституционным реформам на постсоветском пространстве в новых независимых

государствах (Армении, Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане)⁸. Выявляются общие черты и особенности конституционного развития и изменений конституций в государствах на геополитическом пространстве бывшего Советского Союза как применительно к нескольким государствам (Россия и Казахстан)⁹, так и в отношении группы государств (в Средней Азии)¹⁰. Особое внимание уделяется конституционной реформе в Беларуси, ее значению и перспективам для государства, а также в сопоставлении целей и результатов конституционных реформ, развития социально-культурной политики государства (в России, Беларуси и Казахстане)¹¹ или модернизации конституции в России и Беларуси¹².

Сравнительный опыт организации и проведения конституционных реформ создает благоприятные возможности для концептуализации успешных конституционных экспериментов, формирует публичный пул проблемных, слож-

³ Витрук Н. В. Верность Конституции. 2-е изд. М. : РГУП, 2016 ; Евдокимов В. Б. О верховенстве части 1 и части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2017. № 3. С. 29–33.

⁴ Вентер Ф. Верховенство права как глобальная мера конституционализма // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире : сборник статей / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. М. : ЛУМ, Юстицинформ, 2013. С. 76–94 ; Limbach J. The Concept of the Supremacy of the Constitution // The Modern Law Review. 2001. Vol. 64. No. 1. P. 1.

⁵ Киреев В. В. Конституционная реформа: политика и доктрина // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». 2008. № 22 (123). С. 14–18.

⁶ Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире : монография М. : Наука РАН, 2016.

⁷ Комарова В. В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 8. С. 22–31 ; Медушевский А. Н. Конституционная реформа в России: содержание, направления и способы осуществления // Общественные науки и современность. 2020. № 1. С. 39–60.

⁸ Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В. Конституционные реформы на постсоветском пространстве: тенденции развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 272–287.

⁹ Макарецев А. А., Юсубов Э. С. Конституционные реформы в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительно-правовой анализ // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2 (20). С. 11–24.

¹⁰ Медушевский А. Правовое устройство Средней Азии: стратегии маневрирования между глобальными и национальными приоритетами (новейшие конституционные преобразования в Киргизии, Казахстане и Узбекистане) // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 2 (153). С. 33–68.

¹¹ Никитин А. Г., Виноградова А. Ю. Конституционная реформа как вектор развития государства в современном мире (на примере России, Беларуси и Казахстана) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2023. № 1. С. 13–21.

¹² Василевич Г. А., Василевич С. Г. Модернизация конституций Российской Федерации и Республики Беларусь как отражение динамики общественного развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 2. С. 5–12.

ных и неоднозначных конституционных моментов в современной и исторической конституционной юриспруденции.

Понятие стратегического конституционализма и факторы концептуализации конституционных изменений

Стратегический конституционализм как нормативная, телеологическая и коммуникационная концепция включает три подхода:

1) первый подход отражает телеологический статус конституции как документа и правового акта стратегического конституционного планирования и прогнозирования¹³;

2) второй подход видит в конституционализме институциональный и процедурный механизм установления и совершенствования конституционного правопорядка посредством использования различных форм учредительной власти (первичной и производной, изначальной и институциональной);

3) третий подход включает стратегию народного участия и разработку форм и методов вовлечения граждан, институтов гражданского общества, института профессионального и экспертного мнения в процесс различных конституционных изменений.

Семь важных факторов влияют на процесс накопления знаний, концептуализацию и моделирование конституционных реформ в современном мире.

Первый фактор. С начала XXI в. идет процесс научного осмысления всего многообразия публично-правового опыта конституционных изменений в различных частях современного мира, под разными флагами и юрисдикциями. Если до конца XX в. внимание уделялось преимущественно юридическим процедурам принятия и введения в действие конституций, классификации конституций по данным основаниям, то с начала XXI в. наметилась тенденция к комплексному и системному анализу всего спектра форм и методов конституционных изменений, появилась субдисциплина в сфере сравнительного конституционного права — «сравнительные конституционные изменения»¹⁴.

Второй фактор. Фактор учредительной власти под влиянием доктрины конституционализации и политики конституционной мобилизации стал рассматриваться не только как социальный феномен с огромной генеративной силой в области установления и изменения конституционного правопорядка, но и как организационная и институциональная структура с полномочиями конституирующего характера, которая подчинена правовым и конституционным принципам своего осуществления, только частично зафиксированным в современных конституциях. Поэтому конституирующие полномочия могут быть направлены не только на сохранение материальной конституции, но и на преобразование конституционных норм и принципов правления¹⁵.

¹³ В исследованиях используется понятие стратегической конституции (работы Роберта Д. Кутера (Robert D. Cooter), Имрана Ахмеда (Imran Ahmed)). Р. Д. Кутер связывает стратегическую конституцию с конституционными стимулами, ведь «создание, изменение и интерпретация конституций — это политическая игра, которая может привести к широкомасштабным страданиям или обеспечить свободу и процветание нации». И. Ахмед полагает, что «конституции могут играть важную роль в содействии определенному политическому сотрудничеству, если они полезны для политических стратегий как правителей, так и подданных». См.: Cooter R. *The Strategic Constitution*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2002. P. 1–14 ; Ahmed I. «Strategic Constitutions»: Constitutional Change and Politics in Pakistan // *South Asia: Journal of South Asian Studies*. 2017. Vol. 40. No. 3. P. 481–499.

¹⁴ Ван Штаден М., Гладун Е. Конституционные изменения: новая грань сравнительного конституционного права: Рецензия на книгу: Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. London : Routledge, 2020 // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2023. № 1 (152). С. 146–171.

¹⁵ Кравец И. Право и конституирующая власть: идейный пул и достижения в конституционной юриспруденции: Рецензия на книгу: Colón-Ríos J. *Constituent Power and the Law*. Oxford; New York : Oxford University Press, 2020 // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2021. № 6 (145). С. 158.

Третий фактор. В зоне сравнительных конституционных исследований выделяется сегмент народного участия, участия граждан, институтов гражданского общества, институтов профессионального и экспертного мнения в конституционных изменениях. Могут применяться различные формы участия (императивные и делиберативные процедуры): гражданские ассамблеи, народные жюри, конституционные комиссии, конституционные референдумы, краудсорсинг — законодательный (для участия в разработке законов, электронное законодательство) и конституционный (для разработки проекта конституции или поправок к конституции).

Четвертый фактор. Новые технологии в области конституционного и избирательного права, вызванные к жизни переходом к информационному и алгоритмическому обществу, стали более активно применяться в процедурах парламентской деятельности, обсуждения и принятия поправок к Конституции или разработки проекта новой Конституции.

Пятый фактор. Практика конституционного строительства в различных странах, обобщение в области сравнительного конституционного дизайна и конституционного развития в различных частях мира показывают увеличение интенсивности и расширение использования форм делиберативной демократии (в том числе вовлечение в процесс обсуждения неограниченного круга лиц с профессиональными или обычными знаниями), которые содействуют публичному процессу делиберации и включению в процесс обсуждения важнейших конституционных и иных публично значимых вопросов значительного числа обычных граждан.

Шестой фактор. Современный миропорядок испытывает кризис международной легитимности, происходит переосмысление классической парадигмы развития конституционализма в мировом масштабе, возникает стратегия диверсификации современного конституционализма, которая связана с усилиями различных

государств, направленными на формирование многополярного мира.

Седьмой фактор. Фактор ретрадиционализации и конституционного популизма. Появляется феномен популистского нелиберального конституционализма, который связан с конституционным закреплением и политикой внедрения в конституционно-правовые системы традиционных ценностей (в том числе религиозных) как основы неоконсерватизма (некоторые страны Центральной и Восточной Европы, например Венгрия, Россия, некоторые страны постсоветского пространства). Многие европейские конституционалисты оплакивают эрозию принципов либерального конституционализма, отмечая всеобъемлющий кризис. По мнению Мартина Белова, «кризис... является подавляющим и имеет множество проявлений на институциональном и нормативном уровнях, на социально-политической площадке и в сознании людей, формирующем их конституционное воображение». Он охватывает одновременно «кризис конституционализма, представительной демократии, партийной демократии и либерально-демократического конституционализма»¹⁶. Другой восточноевропейский исследователь, Адам Суликовский, исследуя специфику конституционного развития государств Центральной и Восточной Европы в начале XXI в., констатирует (под влиянием правового популизма и кризиса либерального конституционализма) формирование постлиберального конституционализма в результате влияния на идеологию и систему государственного правления нелиберального консерватизма (в Польше, Венгрии и других государствах)¹⁷.

Государство как конституционный стратег и стратегия диверсификации конституционализма

Несмотря на то что современный конституционализм имеет широкую социальную опору в струк-

¹⁶ Populist constitutionalism and illiberal democracies. Between constitutional imagination, normative entrenchment and political reality / ed. by M. Belov. Cambridge, UK : Intersentia, 2021. P. 1.

¹⁷ Sulikowski A. Postliberal Constitutionalism. The Challenge of Right Wing Populism in Central and Eastern Europe. Abingdon, Oxon : Routledge, 2023. P. 1, 3–4.

туре общества, содействует развитию институтов гражданского общества и общественно-государственных объединений, обеспечивает правовые формы реализации государственного контроля за деятельностью общественных и иных некоммерческих организаций, стратегия конституционных реформ и конституционных изменений в значительной степени принадлежит государству и ее параметры, формы реализации определяются им. В государствах, где длительное время не использовались конституционные референдумы, а государственно-правовая традиция игнорировала формы делиберативной и императивной прямой демократии на общенациональном уровне, следует подходить взвешенно к практике введения обязательного участия народа в конституционных изменениях посредством юридических процедур прямого голосования¹⁸. В этом смысле применение в России, не знавшей с 12 декабря 1993 г. общенациональных референдумов, процедуры общероссийского голосования по Закону о поправке к Конституции РФ выглядит вполне оправданной новацией, хотя и спорной (надконституционной процедурой по воле главы государства и парламента страны) с точки зрения действующей Конституции РФ, которая такую процедуру не предусматривала¹⁹. Будущее российского конституционализма сле-

дует связывать с настоятельной потребностью урегулировать на стабильных конституционных основах следующие вопросы: определять, изменять природу и расширять предметную и процедурную основу для принятия Закона РФ о поправке к Конституции РФ.

Государство выступает основным конституционным стратегом, несмотря на то что в конституциях демократических государств повсеместно закрепляются различные текстуальные формулировки принципа народного суверенитета. В отечественной и сравнительной конституционной юриспруденции оправданно ставится вопрос о новациях в конституционных изменениях современных государств, о способах формальных и неформальных конституционных изменений, о формах вовлечения в конституционные изменения представителей общественности и участия граждан, о стратегиях организации и проведения конституционных реформ.

Конституционализм как планетарное явление имеет множество моделей воплощения, различные интерпретации и научные подходы в качестве мировоззренческой платформы, культурно-правовые и исторические формы развития. Неслучайно было предложено рассматривать конституционализм как категорию, которая находится в постоянном омоложении²⁰;

¹⁸ Конституция Греции 1975 г. (с поправками 1986 и 2001 гг.) не предусматривает конституционных референдумов. Текущая формула внесения поправок ограничивает (п. 6 ст. 110) повторное инициирование поправок сроком 5 лет: «Не допускается пересмотр Конституции ранее чем по прошествии пяти лет с момента завершения предыдущего пересмотра» (речь о поправках). В литературе предлагалось неоднократно закрепить конституционный референдум, однако практика проведения референдума о финансовой помощи, состоявшегося 5 июля 2015 г. (после полного отсутствия практики референдума с 1974 г.), показала проблематичность такого подхода. В исследованиях этот референдум стал «хрестоматийным примером плохого референдума». Проект конституционного дизайна «под руководством граждан» не стал фактором демократизации конституционной политики в Греции. См.: *Fotiadou A. The role of the people in constitutional amendment in Greece: Between narratives and practice // Participatory Constitutional Change: The People as Amenders of the Constitution / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. Abingdon; New York : Routledge, 2017. P. 156–170.*

¹⁹ Например Н. Е. Таева оправданно ставит вопрос, «от какого субъекта исходит придание тех или иных юридических свойств Закону о поправке»; связывает данный акт с «законом *ad hoc*» и заключает, что, возможно, в будущем его «принятие будет обусловлено решением особой задачи в каждом конкретном случае, требующей правового регулирования *ad hoc*», очевидно под риском утраты Конституцией РФ такого свойства, как стабильность (Таева Н. Е. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации: эволюция юридических свойств // Государство и право. 2021. № 2. С. 7–15, 8, 14).

²⁰ В XXI в. в конституции видят не просто «документ, устанавливающий основу для правительства», к конституции обращаются «за ответами на наши самые неразрешимые политические разногласия». Теперь

это своеобразный конституционный «феникс ревитализации».

Конституционализм с момента возникновения в качестве правового понятия и юридической концепции развивался под влиянием западно-ориентированной парадигмы, которая в начале XXI в. переживает кризис идентичности. Как планетарная модель распространения конституционализма западно-ориентированная парадигма находится в состоянии утраты лидирующих позиций, т. к. не только международная напряженность, но и многообразие моделей и форм конституционного развития различных государств и отдельных регионов не помещаются в прокрустово ложе парадигмы, возникшей через волны демократических конституционных революций с конца XVII по начало XX столетия. Конституционализм всегда привлекал внимание исследователей как в контексте истории политических и правовых учений, реальной практики функционирования конституционных учреждений (в российском или сравнительном ключе), сравнения опыта различных государств, так и в связи с потребностью определить своеобразие национальных моделей конституционализма, в частности российского или постсоветского конституционализма. В недавно вышедшей коллективной монографии, посвященной 85-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина, отмечается важная научная новация в доктрине российского конституционализма — конститу-

ционализация российского общества, общественно-политической и государственной жизни в стране²¹, которая стала востребованной и в процессе конституционной реформы 2020 г.

Конституционализм становится предметом сравнительного изучения в рамках конституционного права²², конституционного дизайна²³, а также международной панорамы конституционного развития различных стран и народов: на глобальном Юге и глобальном Севере²⁴, на глобальном Западе — западный конституционализм²⁵ и на глобальном Востоке — азиатский конституционализм²⁶; в отношении отдельных континентов и материков — африканский конституционализм и трансформативный латиноамериканский конституционализм²⁷. В этой геополитической и юридической панораме конституционализм стал глубоко укоренившейся концепцией со значительным методологическим и ландшафтным разнообразием. Лидирующее значение в Юго-Восточной Азии и повышенный исследовательский интерес приобретает модель китайского конституционализма и китайской конституционной идентичности. Существует определенная дилемма в применении концепта «конституционализм» для анализа процессов конституционного развития и конституционного права КНР. В частности, есть особенность «китайского конституционализма» в его территориальной специфике. Наряду с Конституцией КНР, существует три основополагающих акта (одна

этот акт символизирует социальное единство. См.: *Loughlin M. Against Constitutionalism*. Cambridge, Massachusetts ; London, England : Harvard University Press, 2022. P. IX, 192.

²¹ Современный российский конституционализм : к 85-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина : монография / под общ. ред. В. В. Комаровой ; отв. ред. О. С. Рыбакова. М. : Проспект, 2023. С. 4.

²² *Кравец И. А.* Конституционализм в сравнительном изучении и преподавании // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 6 (73). С. 72–82.

²³ *Comparative Constitutional Design (Comparative Constitutional Law and Policy)* / T. Ginsburg (ed.). Cambridge : Cambridge University Press, 2012.

²⁴ *The Global South and Comparative Constitutional Law* / P. Dann, M. Riegner, M. Bönnemann (eds). Oxford : Oxford University Press, 2020.

²⁵ *Buratti A.* Western Constitutionalism. History, Institutions, Comparative Law. Cham : Springer, 2019.

²⁶ *Constitutionalism in Asia in the Early Twenty-First Century (Comparative Constitutional Law and Policy)* / A. Chen (ed.). Cambridge : Cambridge University Press, 2014.

²⁷ *Transformative constitutionalism in Latin America: the emergence of a new Ius Commune*. Oxford, UK : Oxford University Press 2017 ; *Gebeye B. A.* A Theory of African Constitutionalism. Oxford : Oxford University Press, 2021.

Конституция и два Основных закона), действующих в Тайване, Гонконге и Макао — специальных административных районах КНР. Очевидно, что термин «конституционализм» применяется для характеристики конституционных систем трех специальных административных районов, в то время как для характеристики конституционной системы КНР (на основе Конституции КНР) существует запрет на его применение. Юридическая наука КНР по-прежнему старается дистанцироваться от употребления термина «конституционализм» для характеристики Конституции КНР и публично-правового порядка страны, считая, что данная категория в большей степени отражает конституционные системы капиталистических государств. Незначительный по времени период с начала XXI в. по 2013 г. развивались доктринальные основы конституционализма в Китае, которые были предметом полемики, пока левые ученые КНР не потребовали запретить использование данного термина для характеристики китайской конституционной системы, несмотря на существование конституционной основы для доктрины «Одна страна, две системы» (One Country, Two Systems)²⁸. Такой подход длительное время был характерен и для советского государственного права (вплоть до второй половины 1980-х — начала 1990-х гг.). Понятие конституционализма тем не менее широко используется в научных исследованиях конституционного развития Китая (с оговоркой, что это «социалистический конституционализм»), действующей Конституции КНР и стратегии правового развития и

трансформации правовой системы страны различными авторами китайского происхождения и иностранными исследователями²⁹.

Конституционализм на юридической карте мира представлен различными моделями, практиками, доктринальными источниками, нормативными вариациями конституционного текста и смежного законодательства, правовыми принципами, судебными решениями, формами и методами конституционных изменений формального и неформального характера. В современном мире конституционализм как концепция переживает период активной диверсификации (от лат. *diversificatio* — изменение, разнообразие, от лат. *diversus* — разный), которая понимается в различных науках неодинаково. Существуют различные виды диверсификации. Устойчивое употребление данного термина в экономике, менеджменте, международной экономике, международной экономической географии породило такие концепты, как «корпоративная диверсификация»³⁰, в науке управления — «модели диверсификации»³¹ и «стратегии диверсификации»³², «производственная и рыночная диверсификация»³³ и др.

Разнообразие в области правовых институтов, сочетание традиционных и заимствованных моделей правовых институтов осмысливается в рамках концепции правового плюрализма, которая нагружена географическими, национальными, этнорелигиозными компонентами в различной пропорции применительно к разным странам или регионам³⁴. Специфика со-

²⁸ См.: *Tong Zh.* The Reform and Renewal of China's Constitutional System (*Zhongguo xianzhi zhi weixin*). City University of Hong Kong Press, 2016 ; *Chen A. H.-Y.* The Reform and Renewal of China's Constitutional System (*Zhongguo xianzhi zhi weixin*) // *International Journal of Constitutional Law*. 2018. Vol. 16, Iss. 2. P. 728–730.

²⁹ *He B.* Socialist Constitutionalism in Contemporary China // *Constitutionalism beyond Liberalism* / ed. by M. W. Dowdle, M. A. Wilkinson. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2017. P. 151–175.

³⁰ *Berry-Stölzle T. R., et al.* Determinants of Corporate Diversification: Evidence From the Property — Liability Insurance Industry // *The Journal of Risk and Insurance*. 2012. Vol. 79. No. 2. P. 381–413.

³¹ *Ansoff H. I.* A Model for Diversification // *Management Science*. 1958. Vol. 4. No. 4. P. 392–414.

³² *Amit R., Livnat J.* Diversification Strategies, Business Cycles and Economic Performance // *Strategic Management Journal*. 1988. Vol. 9. No. 2. P. 99–110.

³³ *Qian G.* Assessing Product-Market Diversification of U. S. Firms // *MIR: Management International Review*. 1997. Vol. 37. No. 2. P. 127–149.

³⁴ *Hughes R.* Legal Pluralism and the Problem of Identity // *Passage of Change: Law, Society and Governance in the Pacific* / ed. by A. Jowitt, T. N. Cain. Canberra : ANU Press, 2010. P. 329–352.

временного понимания конституционализма в международных исследованиях показывает, что концепт правового плюрализма мало подходит для анализа парадигмы «запад-восток» или «север-юг» в контексте формирования и распространения различных моделей конституционализма как в пределах отдельных национальных юрисдикций, так и с выходом на наднациональный, международный или глобальный уровень. Многообразие моделей современного конституционализма в условиях борьбы за многополярный мир лучше рассматривать с опорой на концепт диверсификации конституционализма, который имеет несколько параметров измерения.

Во-первых, существует **территориальная и географическая диверсификация** конституционализма. Она вызвана постколониальным развитием современных государств, расположенных в Латинской Америке и Карибском бассейне, в Африке и Юго-Восточной Азии. В этих государствах преимущественно гибридные модели конституционализма, в которых могут преобладать социалистические модернизированные системы (Куба и Китай), либерально-демократические и социал-демократические системы, осложненные неустойчивой динамикой развития, сочетанием авторитарных, демократических и либеральных черт государственного правления. В гибридных моделях соединяются элементы государственного капитализма, рыночные механизмы, культурные и религиозные особенности правовых систем, происходит гибридизация западных, восточных и религиозных идей и верований (например, в Таиланде буддийский конституционализм с конституционной монархией и буддийским королевским правлением в виде западно-восточного бриколажа³⁵, соединенный с либерально-демократической и рыночной моделью; буддийский конституционализм в Шри-Ланке с защитой статуса буддизма в конституции страны и форми-

рованием культуры «буддийского юридического активизма и судебных разбирательств в интересах буддистов»³⁶).

Во-вторых, все сильнее проявляет себя **разнообразие моделей конституционной идентичности**, которое показывает символическое значение различных атрибутов государства, системы правления, культурных особенностей при идентификации национального конституционализма. Идентичность конституционализма подвергается диверсификации исходя из многофакторных переменных: территории, религии, этнических особенностей, геополитических притязаний. В исследованиях отмечается существование национальных и глобальных моделей конституционной идентичности. Усилиями международной группы ученых-конституционалистов (отечественных и зарубежных) развивается концепция глобализации конституционной идентичности, которая трансформируется вследствие международного кризиса.

С одной стороны, во многих моделях конституционализма (буддийский, исламский конституционализм) наблюдается диспропорция светских и религиозных ценностей в пользу религиозных с неравноценной конституционализацией и защитой таких ценностей, а также диспропорция общечеловеческих и традиционных ценностей в моделях западного и восточного (азиатского) конституционализма, конституционализма на глобальном Юге и глобальном Севере в пользу либеральных на Западе и традиционных или традиционно-религиозных в Юго-Восточной Азии. Конституционализм со спецификой понимания социалистических ценностей и правовой модернизации существует в Китае и на Кубе, социал-демократических ценностей и либерального конституционализма — в скандинавских странах (Швеция, Финляндия, Дания).

С другой стороны, на ассиметричное развитие моделей конституционализма влияет

³⁵ *Mérieau E.* Establishing the King as the Source of the Constitution: Shifting «Bricolaged» Narratives of Buddhist Kingship from Siam to Thailand // *Buddhism and comparative constitutional law* / ed. by T. Ginsburg, B. Schonthal. Cambridge, UK ; New York, NY : Cambridge University Press, 2022. P. 181.

³⁶ *Schonthal B.* Securing the Sasana through Law: Buddhist Constitutionalism and Buddhist-Interest Litigation in Sri Lanka // *Modern Asian Studies*. 2016. Vol. 50. No. 6. P. 1966–2008.

процесс глобализации и интернационализации конституционных систем. Предстоит серьезная переоценка перспектив глобального конституционализма с позиций учета вклада различных моделей и видов конституционных систем как в создание общего конституционного права, так и в мозаику сравнительного конституционного права, на основании которых и можно продвигать сбалансированное развитие модели полицентрического конституционализма, в котором необходимо комбинировать элементы конституционных систем, получившие распространение на глобальном Севере и Юге, на глобальном Востоке и Западе. Следовательно, конституционная идентичность в эпоху глобализации также подвергается конвергенции и дивергенции, что в итоге сказывается на параметрах (изменяющихся) национальной конституционной идентичности многих государств. В частности, отмечается, что адаптация социалистической конституционной идентичности в странах с социалистическими режимами (таких как Вьетнам, Китай, Лаос, Северная Корея, Куба) происходит под воздействием глобализации. Исследователь приходит к выводу о существовании четырех дивергентных моделей, которые используются для адаптации национальной конституционной идентичности: 1) модель конституционного глобализма (Вьетнам и Лаос); 2) модель конституционной исключительности (Китай); 3) модель конституционного изоляционизма (Северная Корея); 4) модель конституционного резервационизма (Куба)³⁷.

В-третьих, получает широкое распространение **именная диверсификация** конституционализма. Конституционализм с собственным именем в плеяде нарицательных имен — это, как правило, национальные конституционные системы, олицетворяющие конституционную идентичность конкретной юрисдикции, государственности или государства, занимающего доминирующее положение в межрегиональных отношениях на геополитической карте мира (российский конституционализм, китайский конституционализм, бразильский консти-

туционализм, британский конституционализм). Причем такие именные конституционализмы могут иметь существенные отличия в структуре правления и форме государственного правления (монархии и республики), территориальной организации публичной власти (унитарные, федеративные или регионалистские государства), социально-экономической специфике и культурно-религиозным особенностям.

В-четвертых, значимым фактором в диверсификации конституционализма становится **институт участия общественности**, институт гражданского участия, институт участия граждан в процедурах делиберативной демократии на различных уровнях организации публичной власти, а также роль граждан и институтов гражданского общества в конституционных изменениях страны.

В-пятых, огромное влияние на гибридизацию и диверсификацию конституционализма оказывают **государственные режимы** (демократические, авторитарные, закрытые и открытые анократии), приемлемость либерального или нелиберального, демократического или авторитарного конституционализма в планетарном распространении различных конституционных систем с устойчивыми и неустойчивыми режимами правления.

Стратегии, формы и институциональные механизмы конституционного вовлечения: перспективы диалогического конституционализма

В доктрине конституционного права появились теории делиберативного конституционализма, диалогического конституционализма, дискурсивного конституционализма. По мнению Роберто Гаргарелья, конституционная теория развивается «под рубрикой диалогического конституционализма, диалогического правосудия или диалогического судебного контроля». Новации, связанные с диалогическим конституционализмом, бросают «вызов традиционным идеям и предположениям, касающимся системы разделе-

³⁷ Bui N. S. Globalization of Constitutional Identity // Washington International Law Journal. 2017. Vol. 26. No. 3. P. 463–533.

ния властей, организации сдержек и противовесов, в частности судебного надзора»³⁸. Важная задача диалогического конституционализма — создать примирительную основу для диалога между конституционализмом и демократией с пониманием роли граждан в делиберативных процессах и коллективного диалога по конституционным вопросам.

Диалогический конституционализм развивает представления о формах, процедурах, субъектах и содержании конституционной коммуникации в правовом и политическом пространстве страны. Диалогический конституционализм является разновидностью коммуникативного конституционализма, который призван объяснить роль граждан, институтов гражданского общества, экспертного и профессионального сообщества во взаимоотношениях с органами публичной власти в процессе подготовки и осуществления конституционных изменений, обсуждения и принятия решений по публично-правовым вопросам.

Российская стратегия и конституционное вовлечение. В России при подготовке и осуществлении конституционной реформы 2020 г., а также в ходе ее дальнейшей реализации через комплекс конституционного и смежного законодательства использовались как традиционные для государственно-правового опыта страны подходы и процедуры, так и новые процедуры и технологии, ранее не применявшиеся в отношении внесения поправок к Конституции РФ 1993 г., начиная с момента вступления ее в силу (общероссийское голосование, заключение федерального органа конституционного правосудия, кон-

ституционный арт-популизм с демонстрацией роликов, записанных известными деятелями искусства, культуры в поддержку конституционной реформы). Между тем многие предложения о создании нормативных, цифровых и процедурных основ для конституционных общественных инициатив не получили развития в ходе конституционной реформы 2020 г. Представляется важным развивать в правовом и информационном пространстве России (в свете 30-летия Конституции РФ) один из ведущих мировых трендов в области участия граждан в конституционных изменениях. Это вопросы делиберативного участия в конституционном развитии и в процессе конституционных преобразований, учитывая исторические традиции и нереализованные возможности в конституционном праве России³⁹.

Стратегия и конституционные общественные инициативы в Европе. В Европейском Союзе конституционные общественные инициативы стали научной программой исследований «Разработка конституции и делиберативная демократия» (2018–2022 гг.). Существует официальный сайт и онлайн-портал акции «Разработка конституции и совещательная демократия», финансируемой ЕС⁴⁰. С начала XXI в., пишут исследователи, «литература по совещательной демократии переживает бум». Итоги реализации исследовательского проекта излагаются в том числе в новой коллективной монографии «Делиберативное создание конституций: Возможности и вызовы», в которой объясняется роль делиберативных (совещательных) процедур в создании конституций, уделяется внимание

³⁸ Диалогический конституционализм, полагает Р. Гаргарелья, кажется привлекательным для демократической теории по крайней мере по двум причинам. Во-первых, диалогические теории подходят к конституционализму с прицелом на демократию: «Их цель — примирить обе ценности». Во-вторых, они делают это особым образом, а именно, «выбирая перспективу делиберативной демократии, которую многие из нас считают особенно плодотворным подходом к демократии», например, по сравнению с теорией плюралистической демократии. См.: *Gargarella R. «We the People» Outside of the Constitution: The Dialogic Model of Constitutionalism and the System of Checks and Balances // Current Legal Problems. 2014. Vol. 67. P. 1, 7.*

³⁹ *Дробот С. Е. Коммуникативные возможности политического участия в механизме конституционной модернизации: ретроспективные аспекты и перспективы совершенствования // История государства и права. 2023. № 5. С. 21–26.*

⁴⁰ EU-funded COST Action «Constitution-making and deliberative democracy» // URL: <https://constdelib.com/> (дата обращения: 27.09.2023).

характеру связей между участием, представительством и легитимностью; рассматриваются процедуры делиберативного конституционализма в качестве политической тенденции в различных частях мира — как с теоретической, так и с эмпирической точки зрения. Исследование показывает, что делиберативный конституционализм проникает и работает не только в устоявшихся демократиях с хорошо известными случаями совещательной разработки конституций, но что более важно, подобная практика применяется (с неоднозначным результатом) в авторитарных и менее консолидированных демократических условиях. Особое внимание уделяется «действующим лицам, в частности недостаточно представленным группам»⁴¹.

Тема делиберативного создания конституций, несомненно, является междисциплинарной и охватывает комплекс вопросов о делиберативной демократии, конституционной политике, процессах «демократизации и автократизации», об участии граждан и других заинтересованных групп; поэтому вопросы подобного рода рассматриваются в более широком смысле, через сравнительную политику, государственное управление, социальную политику и право.

Выводы

Таким образом, можно отметить возрастающую роль парадигмы делиберативного и диалогического конституционализма в исследованиях в сфере сравнительного и отечественного конституционного права. С позиций разрабатываемой доктрины коммуникативного конституционализма обе концепции (делиберативного и диалогического конституционализма) являются его разновидностями с акцентом или на процедуры делиберативного участия, или на диалоговые формы обсуждения и принятия решений по конституционным вопросам.

Стратегический конституционализм испытывает трудности диверсификации мировоззренческой основы на геополитической карте мира и в мировом конституционном развитии. Однако бесспорно важной динамикой стратегического конституционализма является устойчивая тенденция на вовлечение граждан, институтов гражданского общества, института профессионального и экспертного мнения в процесс подготовки, обсуждения и принятия как отдельных поправок к конституции, так и проектов новой конституции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ван Штаден М., Гладун Е. Конституционные изменения: новая грань сравнительного конституционного права: Рецензия на книгу: Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. — London: Routledge, 2020 // Сравнительное конституционное обозрение. — 2023. — № 1 (152). — С. 146–171.
2. Василевич Г. А., Василевич С. Г. Модернизация конституций Российской Федерации и Республики Беларусь как отражение динамики общественного развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2022. — Т. 18. — № 2. — С. 5–12. — URL: <https://doi.org/10.12737/jflcl.2022.019>.
3. Венгер Ф. Верховенство права как глобальная мера конституционализма // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире : сборник статей / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. — М. : ЛУМ, Юстицинформ, 2013. — С. 76–94.
4. Витрук Н. В. Верность Конституции. — 2-е изд. — М. : РГУП, 2016. — 272 с.
5. Дробот С. Е. Коммуникативные возможности политического участия в механизме конституционной модернизации: ретроспективные аспекты и перспективы совершенствования // История государства и права. — 2023. — № 5. — С. 21–26.

⁴¹ Deliberative Constitution-making: Opportunities and Challenges / M. Reuchamps, Y. Welp (eds). London : Routledge, 2023. P. XV–XVI.

6. *Евдокимов В. Б.* О верховенстве части 1 и части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. — 2017. — № 3. — С. 29–33.
7. *Киреев В. В.* Конституционная реформа: политика и доктрина // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». — 2008. — № 22 (123). — С. 14–18.
8. *Комарова В. В.* Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 8. — С. 22–31.
9. *Кравец И. А.* Конституционализм в сравнительном изучении и преподавании // Сравнительное конституционное обозрение. — 2009. — № 6 (73). — С. 72–82.
10. *Кравец И.* Право и конституирующая власть: идейный пул и достижения в конституционной юриспруденции: Рецензия на книгу: Colón-Ríos J. Constituent Power and the Law. Oxford; New York: Oxford University Press, 2020 // Сравнительное конституционное обозрение. — 2021. — № 6 (145).
11. *Макарцев А. А., Юсубов Э. С.* Конституционные реформы в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительно-правовой анализ // Гражданин. Выборы. Власть. — 2021. — № 2 (20). — С. 11–24.
12. *Медушевский А. Н.* Конституционная реформа в России: содержание, направления и способы осуществления // Общественные науки и современность. — 2020. — № 1. — С. 39–60.
13. *Медушевский А.* Правовое устройство Средней Азии: стратегии маневрирования между глобальными и национальными приоритетами (новейшие конституционные преобразования в Киргизии, Казахстане и Узбекистане) // Сравнительное конституционное обозрение. — 2023. — № 2 (153). — С. 33–68.
14. *Никитин А. Г., Виноградова А. Ю.* Конституционная реформа как вектор развития государства в современном мире (на примере России, Беларуси и Казахстана) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». — 2023. — № 1. — С. 13–21. — URL: <https://doi.org/10.18323/2220-7457-2023-1-13-21>.
15. План государственного преобразования графа М. М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). — М.: Издание «Русской мысли», 1905.
16. Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина: монография / под общ. ред. В. В. Комаровой; отв. ред. О. С. Рыбакова. — М.: Проспект, 2023.
17. *Таева Н. Е.* Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации: эволюция юридических свойств // Государство и право. — 2021. — № 2. — С. 7–15.
18. *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в современном мире: монография — М.: Наука РАН, 2016. — 320 с.

Материал поступил в редакцию 24 октября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Van Shtaden M., Gladun E. Konstitutsionnye izmeneniya: novaya gran sravnitel'nogo konstitutsionnogo prava: Retseziya na knigu: Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. — London: Routledge, 2020 // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. — 2023. — № 1 (152). — S. 146–171.
2. Vasilevich G. A., Vasilevich S. G. Modernizatsiya konstitutsiy Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Belarus kak otrazhenie dinamiki obshchestvennogo razvitiya // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya. — 2022. — Т. 18. — № 2. — S. 5–12. — URL: <https://doi.org/10.12737/jfcl.2022.019>.
3. Venter F. Verkhovenstvo prava kak globalnaya mera konstitutsionalizma // Doktriny pravovogo gosudarstva i verkhovenstva prava v sovremennom mire: sbornik statey / отв. ред. V. D. Zorkin, P. D. Barenboym. — М.: LUM, Yustitsinform, 2013. — S. 76–94.
4. Vitruk N. V. Vernost Konstitutsii. — 2-e izd. — М.: RGUP, 2016. — 272 s.

5. Drobot S. E. Kommunikativnye vozmozhnosti politicheskogo uchastiya v mekhanizme konstitutsionnoy modernizatsii: retrospektivnye aspekty i perspektivy sovershenstvovaniya // *Istoriya gosudarstva i prava*. — 2023. — № 5. — S. 21–26.
6. Evdokimov V. B. O verkhovenstve chasti 1 i chasti 4 stati 15 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii // *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury RF*. — 2017. — № 3. — S. 29–33.
7. Kireev V. V. Konstitutsionnaya reforma: politika i doktrina // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo»*. — 2008. — № 22 (123). — S. 14–18.
8. Komarova V. V. Konstitutsionnaya reforma 2020 g. v Rossii (nekotorye aspekty) // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. — 2020. — Т. 15. — № 8. — S. 22–31.
9. Kravets I. A. Konstitutsionalizm v sravnitelnom izuchenii i prepodavanii // *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie*. — 2009. — № 6 (73). — S. 72–82.
10. Kravets I. Pravo i konstituiruyushchaya vlast: ideynny pul i dostizheniya v konstitutsionnoy yurisprudentsii: Retsenziya na knigu: Colón-Ríos J. *Constituent Power and the Law*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2020 // *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie*. — 2021. — № 6 (145).
11. Makartsev A. A., Yusubov E. S. Konstitutsionnye reformy v Rossiyskoy Federatsii i Respublike Kazakhstan: sravnitelno-pravovoy analiz // *Grazhdanin. Vybory. Vlast*. — 2021. — № 2 (20). — S. 11–24.
12. Medushevskiy A. N. Konstitutsionnaya reforma v Rossii: sodержanie, napravleniya i sposoby osushchestvleniya // *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. — 2020. — № 1. — S. 39–60.
13. Medushevskiy A. Pravovoe ustroystvo Sredney Azii: strategii manevrirovaniya mezhdru globalnymi i natsionalnymi prioritetami (noveyshie konstitutsionnye preobrazovaniya v Kirgizii, Kazakhstane i Uzbekistane) // *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie*. — 2023. — № 2 (153). — S. 33–68.
14. Nikitin A. G., Vinogradova A. Yu. Konstitutsionnaya reforma kak vektor razvitiya gosudarstva v sovremennom mire (na primere Rossii, Belarusi i Kazakhstana) // *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki»*. — 2023. — № 1. — S. 13–21. — URL: <https://doi.org/10.18323/2220-7457-2023-1-13-21>.
15. Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya grafa M. M. Speranskogo (Vvedenie k ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.). — M.: Izdanie «Russkoy mysli», 1905.
16. *Sovremennyy rossiyskiy konstitutsionalizm: k 85-letiyu so dnya rozhdeniya akademika O. E. Kutafina: monografiya / pod obshch. red. V. V. Komarovoy; otv. red. O. S. Rybakova*. — M.: Prospekt, 2023.
17. Taeva N. E. Zakon Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: evolyutsiya yuridicheskikh svoystv // *Gosudarstvo i pravo*. — 2021. — № 2. — S. 7–15.
18. Khabrieva T. Ya. Konstitutsionnaya reforma v sovremennom mire: monografiya — M.: Nauka RAN, 2016. — 320 s.